

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

А.В. Кучерова

Психопатия в контексте современности: от биосоциальной проблематики к психопатической модели общества

Кучерова Анастасия Валерьевна – аспирантка философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, учебно-научный корпус «Шуваловский»; e-mail: XSenseofme@yandex.ru

Естественнонаучные открытия поставили под сомнение традиционное понимание человеческой природы, отвергнув такие фундаментальные свойства личности, как целостность, независимость, центрированная субъективность. Все чаще индивид сводится к физиологически обусловленному набору признаков и стратегий, а соотношение биологического и социального становится важнейшей проблемой гуманитарных наук. Одно из явлений, фиксирующих эту проблематику, – психопатия. Речь идет о выделении особого типа личности, сочетающей нейрофизиологические аномалии и связанные с ними поведенческие модели. В статье суммируются данные новейших экспериментальных исследований в этой области и высказывается гипотеза, что психопатические свойства в некоторых аспектах соответствуют идеологическим требованиям современному обществу, а развитие современных технологий способствует их воспроизводству. Культивирование психопатии, по мнению автора, создает социокультурные условия, меняющие человеческие существа, феномен психопатии может служить микромоделью будущего состояния общества.

Ключевые слова: психопатия, психопат, современность, психология, естественные науки, гуманитарные науки, технологии, биологическое, социальное

Проблема соотношения биологического и социального: новые ракурсы

Научные достижения двух предшествующих столетий фундаментальным образом подорвали сложившиеся в гуманитарной парадигме представления о человеке, сделав тему соотношения биологического и социального очередным

вызовом в адрес философской мысли. Результаты многочисленных экспериментов в области когнитивистики, психологии и этологии легли в основу убедительных аргументов против абсолютной сингулярности *Homo sapiens* как вида, поставив его в один ряд с другими существами. Критике подверглись такие «фундаментальные» человеческие атрибуты, как целостное Я, наличие воли, свобода принятия решений и т.п. Открытия в этих областях удивительны и провокационны. Например, работа Р.У. Сперри и М.С. Газзаниги, исследовавших пациентов с разделенным мозгом (рассеченными связями между правым и левым полушариями), продемонстрировала склонность разных полушарий человеческого мозга при нормальном психическом состоянии давать различные ответы на одни и те же вопросы [Sperry, Gazzaniga, 1969]. Утрачивается представление о существовании устойчивого набора личностных качеств: эксперименты социальных психологов выявили, что поведение индивида определяется не тем, какой он сам по себе, а тем, в каких условиях он оказался [Ross, 1977]. Подробные исследования мозговых нарушений установили зависимость свойств личности (интересов, склонностей и манеры поведения) от аномалий строения и повреждений мозга (пример Ф. Гейджа, случай «Брэда» [Кил, 2019, с. 280–281]). Сегодня считается, что именно мозг создает всю картину реальности согласно своим биологическим настройкам, и этот процесс находится за пределами сознательной жизни человека. В то же время, изучая поведение животных, этологи делают выводы о присутствии у последних ряда ментальных качеств, позволяющих осознавать свои действия и планировать свою деятельность, возможно, в силу внутреннего представления о преследуемых ими целях, что позволяет констатировать наличие у животных сознательной субъективной мысли [Griffin, 1991]. Даже способность к созданию культуры, которая традиционно является последним аргументом в пользу уникальности нашего вида, выявляется, к примеру, у шимпанзе [Whiten et al., 1999].

Несмотря на указанные открытия, мы и сегодня живем в мире тех мировоззренческих установок, которые французский философ Ж.-М. Шеффер именует тезисом о человеческой исключительности [Шеффер, 2010]. Данное воззрение утверждает принципиальную отличность человеческого существа от иных природных форм и его сущностную несводимость к животности как таковой, когда «человека представляют себе не как специфическое проявление животности, а как проявление специфической человеческой сущности, налагаемой на общеживотный субстрат» [там же, с. 356]. Зародившись в христианскую эпоху, это представление радикализировалось по мере развития философской мысли (особенно показательна в связи с этим роль картезианства), явив собой специфическое прочтение онтологического дуализма, который, оперируя сущностными противопоставлениями, не просто констатировал отличность человека от животных, но указывал на фундаментальный разрыв внутри самого индивида, разделив его на «протяженную» и «мыслящую» субстанции. Человек оказался точкой разрыва двух порядков бытия, дробящих все связанное с ним на бесконечное число оппозиций (тело и душа, природа и культура, аффективность и рациональность и т.д.). В силу подобной специфичности человеческой природы возникла потребность и в особых методах

познания, отличных от тех, посредством которых подвергался изучению неодушевленный мир (так называемые науки о культуре). Весь комплекс научного знания, таким образом, традиционно опирается на признание уникальности человеческого существа, и даже современные дискуссии о природе сознания и искусственном интеллекте исходят из предпосылки, что человек – нечто принципиально особенное, и стремятся отыскать секретный компонент, делающий людей таковыми (Серль, Деннет и др.) [Дескола, 2012].

Конечно, противоречие между утверждением о нашей биологической обусловленности и гуманистическими постулатами о свободе можно рассматривать через призму двух категорий – мировоззрения и эмпирической науки как необходимых полюсов бытия, выполняющих разные и несводимые друг к другу функции [Шеффер, 2010]. Мировоззрение дает теоретическую опору, объясняя мироустройство в целом, способствует самоидентификации человека и примиряет его с «эмпирическим цунами» научных фактов, существенное накопление которых создает кризисные предпосылки, влияя на систему устоявшихся взглядов, в связи с чем мировоззрение должно их реинтерпретировать. Однако эмпирические знания постоянно фрустрируют нашу потребность в мировоззренческом объяснении, и не представляется очевидным, что призванные поддержать общественное функционирование традиционные ценности успешно адаптируют достижения наук.

Единого подхода к осмыслению сложившейся ситуации не существует. В указанных процессах, с одной стороны, можно усмотреть позитивную динамику, когда при сохранении гуманитарной парадигмы лишь углубляются наши представления о себе, причем смысл эмпирических открытий «не в замещении одной области знаний другой, а в их соединении или унификации. Строительные блоки одной области рассматриваются под микроскопом в другой», «это беспрецедентно глубокое понимание, подобное тому, что уже подарила нам унификация других наук» [Пинкер, 2018, с. 94, 97]. Радикальнее звучит требование пересмотреть границы природного и социального, выработав принципиально новый подход к восприятию «человеческого»: «антропология стоит перед поразительным выбором: или ей надо признать, что она исчерпала все свои возможности, связанные с концепцией “гуманизма”, или же она должна существенно измениться. Ей необходимо пересмотреть и сферу своих интересов, и используемые подходы, включить в объект своих исследований нечто большее, чем просто “человека”» [Дескола, 2012, с. 12].

Наряду с этим высказываются мысли, подчеркивающие преходящий характер самой оппозиции человеческого и нечеловеческого, которая в терминологии М. Фуко всего лишь конструкция в рамках определенной эпистемы – краткосрочной совокупности взглядов. Современное гуманистическое представление о человеке со временем исчезнет: умрут люди, животные и боги, человек погрузится в состояние блаженного неведения, при котором некому будет задавать вопросы о собственной природе. Именно гуманитарные науки вычертили проблематику человека, пройдет их время – и однажды она безвозвратно сотрется, как рисунок на прибрежном песке [Агамбен, 2012].

Выделение феномена психопатии – результат взаимодействия естественных и социальных наук

В ряду открытий, затрагивающих взаимосвязь свойств личности с физическим субстратом, представляется особенно интересным явление психопатии.

Психопатом признается «индивидуум с антисоциальным поведением, который не испытывает никакого чувства вины по поводу такого своего поведения и практически не способен к установлению нормальных взаимоотношений с другими людьми» [Медицинский словарь, web]. Психопатия – особый тип личности, не эквивалентный каким-либо душевным расстройствам. В связи с этим выделяется ряд особенностей, касающихся как эмпирически фиксируемого поведения психопатов, их взаимодействия с окружающими, так и специфики физиологического строения и функционирования их мозга. В сфере эмоций и межличностного общения психопаты демонстрируют поверхностное обаяние, бойкость, склонность к эксплуатации, манипулированию окружающими, самоуверенность, отсутствие совести и моральных терзаний, бесстрашие, поверхностную эмоциональность. Их антисоциальная характеристика подразумевает паразитический образ жизни, импульсивность и слабый поведенческий контроль, жестокость, беспорядочные сексуальные связи, а также возможный криминальный анамнез наряду с частым стремлением занять лидирующее положение в социальной иерархии [Даттон, 2014].

Так как явление психопатии не ограничивается рамками психологического описания, а имеет ряд отличительных нейрофизиологических особенностей, предопределяющих психопатическое поведение, представляется уместным подробнее остановиться на последних, разделив их на две группы.

1. Молекулярные изменения. Хотя основные молекулярные механизмы не подтверждены, в сериях экспериментов воспроизводятся значимые изменения в экспрессии нескольких генов и связанных с иммунным ответом молекулярных каскадов: считается, что белки, оверэкспрессирующиеся в нервных клетках (получены в результате индукции ИПСК), могут напрямую отвечать за отсутствие эмпатии и развитие психопатии [Tiihonen et al., 2019]. Четко определяемые группы оверэкспрессированных белков могут влиять на некоторые отделы мозга (например, на мозжечок, регулирующий социальное взаимодействие), а механизмы наследования генов, кодирующих данные белки, объясняют специфику передачи психопатии по мужской линии. Принципиальное следствие таких открытий – потенциальная возможность медикаментозной коррекции психопатии при условии дальнейшего развития указанного направления исследований.

2. Морфологические изменения и ассоциированные с ними состояния – структурные особенности и их влияние на развитие психопатического типа личности. Патология нейрокогнитивных функций связана с нарушениями работоспособности в нескольких аффективных и когнитивных областях: 1) язык, 2) внимание и процессы ориентации и 3) аффективность и эмоциональность [Kiehl, 2006]. Относительно внимательности стоит отметить, что при ее наличии психопаты оказались неспособными к обработке абстрактных понятий [Кил, 2019], но они лучше непсихопатов расшифровывают микровыражения

лиц [Даттон, 2014, с. 145], определяют характер людей по манере двигаться [Wheeler, 2009].

Нельзя недооценивать вклад в развитие некоторых отделов головного мозга паракринных факторов, секретомов клеток глии и белков, образующихся в нейросекреторных клетках центральной нервной системы. В то время как некоторые структурные особенности могут лежать в основе изменений функционирования мозга психопатов в областях, отвечающих за обработку эмоций и поведенческий контроль: орбитальной лобной и передней медиальной областях, где отмечаются изменения толщины и объема коры. Изменения в паралимбической системе мозга обуславливают значительное число связанных с психопатией качеств (пониженная плотность серого вещества в передней префронтальной коре, неврологическая дисфункция миндалина и ряда связанных с ней структур – гиппокамп, верхней височной борозды, передней поясной и глазничной коры и др. [Кил, 2019, с. 147]), влияющих на управление эмоциями, импульсивность и моральное принятие решений, и, по мнению ряда исследователей, составляют биологический фундамент психопатического поведения.

Психопатов часто называют социальными хищниками, и эту точную характеристику нельзя свести к метафоре общественно опасных деяний: специфика протекания реальных физических процессов сближает психопатов с хищными животными. Нейрофизиологи выделяют два вида агрессии: хищническую (инструментальную) и аффективную [Melo, 2012]. Если последняя связана с действием мгновенных импульсов, то для агрессии первого типа характерны особые черты – низкий уровень автономного возбуждения и отсутствие эмоций, таких как страх и гнев, что и демонстрируют психопаты. Результаты исследований постоянно воспроизводятся, подтверждая, что указанные виды агрессии связаны с активацией разных участков мозга и, демонстрируя низкий уровень вегетативного возбуждения, психопаты способны действовать подобно диким хищникам. При этом отмечается, что такая инструментально ориентированная (хищническая) агрессия не связана ни с одним иным (кроме психопатии) биологически обоснованным личностным типом или расстройством [Blair et al., 2005].

Биологическое подтверждение находит и масса других особенностей психопатического фенотипа и поведения. Характерное для психопатов бесстрашие проявляется в низкой частоте сердечных сокращений как в состоянии покоя, так и в опасности. При предъявлении психопатам неприятных и отталкивающих стимулов они демонстрируют слабые, зачастую – подавленные физиологические ответы, в отличие от непсихопатов [Levenston et al., 2000]. Возможно, психопаты просто не успевают концентрироваться на страхе, потенциальных неудачах и эмоциях окружающих, т.к. чрезвычайно сосредоточены на цели, сулящей быструю награду, и таким образом видят лишь узкий сегмент окружающего [Hiatt et al., 2004]. Целеустремленность, характерная для личностей психопатического склада, также связана с рядом физиологических особенностей: в организме преследующего цель психопата уменьшается частота сердечных сокращений (как и все остальные физиологические проявления преобладания парасимпатического вегетативного контроля), человек как

бы входит в состояние расчетливости, холодной и медитативной сосредоточенности, способен всецело сконцентрировать внимание на том, к чему стремится [Baskin-Sommers et al., 2012].

Распространенность психопатии среди населения Земли составляет примерно 1–2 % [Junewicz et al., 2019]. При этом важно указать, что в плане социальной реализации психопат вовсе не озлобленный садист: исследователи давно отметили, что набор психопатических качеств не детерминирует исключительно преступную деятельность. Хирургия, менеджмент, юриспруденция, политика, военная и финансовая сферы – области, в которых психопаты демонстрируют выдающиеся успехи [Даттон, 2014]. В целом для них может быть привлекательна любая профессия, связанная с риском, быстротой принятия решений, смелостью, собранностью и потенциальной прибыльностью. Доказано, что психопатов чрезвычайно много среди управленцев высокого класса и мировых лидеров (помимо авторитарных правителей, психопатические черты демонстрируют, например, большинство американских президентов) [там же, с. 66–67]. Чувство собственного достоинства, очарование и отсутствие совести, безжалостность и убедительность – без сомнения, то, что сближает их с психопатическими преступниками. Таким образом, многие психопаты подстраиваются под требования общественной морали и, хотя и не имеют естественной склонности их соблюдать, успешно функционируют в обществе. При этом социальные науки выделяют отсутствие совести как основной компонент, отличающий психопатическую личность: «наличие или отсутствие совести – это глубокое разделение между людьми, возможно, более значительное, чем интеллект, раса или даже пол» [Стаут, 2018, с. 28]. Именно с бесщедностью и эмоциональной холодностью психопатов связываются их поведенческие особенности, значительно влияющие на окружающих.

При многообразии исследований актуальной остается проблема этиологии психопатии: существуют теории ее генетического формирования, патологического развития в раннем возрасте и влияния на нее факторов окружающей среды. Считается, что жестокое и равнодушное обращение, равно как вседозволенность или чрезмерная опека, наркомания и алкоголизм родителей могут стать стресс-факторами, формирующими у ребенка адаптивные поведенческие навыки психопатического типа. При этом окружение напрямую влияет и на конвертацию врожденных черт во внешнее поведение: родившиеся в благополучной семье психопаты могут построить, пусть и жесткими методами, успешную и вполне легальную карьеру, те же, кому с окружением повезло в меньшей степени – встать на путь рецидивной преступности [Frazier et al., 2019]. Если учесть многообразие возможных психопатических проявлений, то, скорее всего, судьба такой личности зависит от суммы признаков – генов, интеллекта, семейной атмосферы, образования, жизненных возможностей и социального контекста.

Современность как воплощение психопатической модели общества

Хотя на сегодняшний день выявлены точные корреляции между устройством мозга и многими душевными болезнями (шизофрения, аутизм и др.), выделение психопатии из ряда прочих аномалий личности представляется

необходимым по ряду причин. Во-первых, психопат не душевнобольной человек, испытывающий личный дискомфорт по поводу своего недуга, а индивид, полноценно функционирующий в социуме и не диагностируемый при обычных обстоятельствах. Кроме того, психопатия представляется явлением, удивительно созвучным современности. Своеобразный выход психопатических личностей за пределы стандартных человеческих возможностей, их нейрофизиологическая «предрасположенность» к особому поведению возвращают нас к актуальному для времени вопросу о биологической детерминации человека, а также заставляют задуматься о том, до каких пределов (с учетом современных реалий) человек способен выйти за границы своей органики и каковы потенциальные следствия такого выхода.

Для каждого времени, как заметил К. Ясперс, характерно усиление ряда специфических черт, выходящих за рамки нормы [Ясперс, 1999]. Следуя этой мысли, применительно к современности кажется уместным выделить особую склонность к психопатии.

Значительный рост числа психопатов акцентируется именно в связи с социальными потрясениями минувшего века: исследователи К.Л. Бонхеффер и Е.К. Краснушкин настаивают на удвоении числа психопатов во время Первой мировой войны [Гиндикин, Гурьева, 2020, с. 8], а последовавшая вскоре более жестокая и масштабная Вторая мировая война, безусловно, только углубила этот процесс. «Необходимо учесть, что психопатии относятся к числу тех болезненных состояний, клиническая характеристика которых находится в несомненной зависимости от изменения социокультурных влияний, меняются их <...> причины и частота заболеваемости, последствия» [там же]. В настоящее время исследования также демонстрируют увеличение психопатических черт: будь то концептуальный анализ современного общества [Даттон, 2014], социальные исследования (выявившие уменьшение уровня эмпатии студентов на 40 % за последние 20 лет [там же, с. 172]) или статистические обзоры (резкое увеличение поисковых запросов по ключевому слову «психопатия» в Академии Google с 1993 г. [Кил, 2019, с. 57]).

В XXI в. традиционно психопатические установки превратились в мифы, через которые массовое сознание полагает свое отношение к жизни: естественными воспринимаются мгновенная реализация желаемого и быстрый успех, роскошный, не обремененный тяжелым трудом образ жизни. Людей привлекает внешняя демонстративность, им все сложнее строить модели будущего, вступать в долгосрочные отношения с другими людьми – господствует потребительское отношение к предметам, людям и даже теориям. При этом деловой мир и индустрия шоу-бизнеса, где преобладают психопатические качества (жестокость, целеустремленность, способность «идти по головам» – в первом и внешнее очарование, тяга к славе и т.д. – во втором), культивируют данную модель поведения, полагая ее в качестве общественного примера. Обращает на себя внимание и соответствующая ориентация массовой культуры: современная кинопродукция переполнена героями, демонстрирующими психопатические черты (от книг и фильмов про маньяков и преступников до героев, действующих по модели Джеймса Бонда, чья личность была подробно проанализирована в психопатическом ключе [Jonason, 2010]). В пространстве

современного художественного нарратива герои-психопаты зачастую конвертируются в положительных персонажей, делающих привлекательным для зрителя неудержимое и необоснованное психопатическое насилие (таковы, например, герои типа Джеймса Бонда, яркие комиксные персонажи – Локи, Джокер, Харли Квинн и др.).

Обнаруженные нейрофизиологические детерминанты психопатов демонстрируют связь успешной на многих уровнях поведенческой стратегии с особенностями биологического строения индивида, а культура и общество в целом легализуют данную модель жизни. Кроме того, технологические достижения нашего времени дают возможность моделирования ряда психопатических характеристик, тем самым делая их доступными для масс.

Находясь под серьезным влиянием информационных технологий, научная мысль начинает рассматривать людей как алгоритмы, управляемые определенным набором процессов и, соответственно, потенциально программируемые на конкретные модели поведения. Появляется все больше способов инвазивного и неинвазивного воздействия на мозг, при этом ряд новшеств открыто ориентирован на усовершенствование определенных когнитивных функций. В качестве примера интересно остановиться на транскраниальных стимуляторах – оборудованных электродами шлемах, направляющих электронные поля к разным участкам мозга и тем самым стимулирующих или тормозящих определенные мозговые процессы, которые уже доказали свою эффективность в областях, связанных с военным делом. Журналистка газеты *New Scientist* еще в 2012 г. получила возможность проверить на собственном опыте действие подобного шлема в центре, где данное оборудование используется для обучения снайперов [Adee, 2012, web]. Сначала она попала в помещение симулятора боя без шлема и в дальнейшем описала чувство ужаса, охватившее ее при виде множества цифровых противников, с которыми ей не позволили справиться страх и замедленная реакция, что, по словам женщины, практически ввергло ее в отчаянное ощущение собственной беспомощности. Однако надетый для следующего поединка транскраниальный шлем все изменил: куда-то пропал страх, реакция стала молниеносной, восприятие ситуации – четким и безэмоциональным, что позволило ей хладнокровно и быстро уничтожить всех цифровых террористов. При этом показательно описание журналисткой случившегося, согласно которому это был «почти мистический опыт... не сказать, чтобы я ощущала себя более умной или более ловкой, но меня поразило то, что впервые в моей голове все смолкло... Мой мозг без постоянных сомнений стал для меня откровением. В голове установилась невероятная тишина... в течение многих недель после эксперимента меня преследовало острейшее желание вернуться и снова надеть этот шлем. А еще у меня возникла куча вопросов. Какой я могу быть без этих вредных, злых гномов, живущих в моем черепе и всегда обрекающих меня на неудачу, заставляя паниковать заранее?» [Харари, 2019, с. 338].

Исследователи, подвергшие себя экспериментальному влиянию электрических импульсов в целях кратковременного воссоздания психопатической нейрофизиологии [Даттон, 2014, с. 194–199], описывают ощущения, в точности соответствующие тем, которые моделирует транскраниальный шлем

на военных базах США (и, скорее всего, не только там). Все это акцентирует ряд проблем, связанных с психопатическими качествами. Неподверженность психопатов эмоциональным проявлениям, в том числе страху и неуверенности, их способность сосредоточенно и быстро действовать, смело принимать решения, присущие им спокойствие и амбициозность позволяют психопатам быть эффективнее «обычных» людей. Подобный личностный набор, безусловно, привлекателен для большинства из нас: кто не хотел бы дополнительной храбрости, уверенности в себе, ощущения контроля над ситуацией и тотального равнодушия к стрессам? И хотя такие новшества находятся еще на относительно ранних этапах развития, закон ускоряющейся отдачи Р. Курцвейла, обосновывающий экспоненциальный рост технологий, не оставляет сомнений, что их широкое распространение не такая отдаленная перспектива, как может показаться на первый взгляд.

В дополнение к идеологии потребления и гедонизма всеобщая ориентация на экономический успех и манера капиталистического общества измерять прогресс в терминах экономического роста выдвигают особые требования к индивиду, его работоспособности, успешности и личностным качествам. Преодоление людьми своей органики по психопатическому типу в этом случае представляется вполне возможным и даже логичным. Бесспорно, экономическим структурам не нужно сложноустроенное рефлексирующее Я, подверженное страданиям, эмоциям и личным потребностям, не вписывающимся в рамки повсеместного стремления к наращиванию капитала. В этих условиях гораздо эффективнее моделировать такие поведенческие стратегии, где человек-работник всецело сконцентрирован на решении производственных задач, при этом все сильнее развиваются препараты и методы, нивелирующие сложные и негативные проявления психики, например депрессии, беспрецедентно распространившиеся в современном мире [Jeffries, 2014, web].

Выводы. К перспективам человека

В научной литературе все чаще звучит мысль об адаптационном значении психопатии на индивидуальном и групповом уровнях: «вполне возможно, что психопатия – это генотип внутри нашего вида, который фенотипически выражен в разной, зависимой от культуры, степени и дает генетическое преимущество. Таким образом, он сохраняется <...> и будет продолжать существовать на протяжении всей истории» [Meloy et al., 2018, p. 161]. Психопатия рассматривается и как резервная эволюционная стратегия человечества: если жизнь в малых группах древних людей предполагала консолидацию и взаимопомощь индивидов, то для существования в современных мегаполисах лучше адаптированы психопаты [Koukolík, Drtilová, 1996].

Концептуальный анализ психопатии затрагивает, таким образом, комплекс взаимосвязанных проблем: с одной стороны, через призму психопатии кажется уместным ставить вопрос об идеологических основах общественного устройства, о представлениях, определяющих стремления и образ жизни людей XXI в. При этом физиологические основы этого типа личности критически преломляют вышеуказанное, помещая мировоззренческие стратегии

в плоскость биологической детерминации в рамках более широкого поля – многочисленных научных открытий, перевернувших наше традиционное представление о человеческой субъективности.

Без сомнения, общество будет вынуждено адаптироваться к происходящим изменениям, и уже сегодня формируются стратегии, направленные на программирование человека в соответствии с новой реальностью. При констатации повышенной психопатичности современного мира кажется возможным прогнозировать дальнейшее нарастание в нем соответствующих черт. Для гуманитарных наук психопатия представляется не самой легкой проблемой: в ней сосредоточен конфликт биологического и социального полюсов, к анализу которых гуманитарное знание еще не выработало единого, основанного на реалиях эмпирической ситуации подхода. При этом явление, представшее перед нами в лице психопатии, требует серьезного осмысления: «Никакой другой диагноз не поднимает таких некорректных <...> вопросов <...> можем ли мы с уверенностью сказать, что социопатия не работает на человека? Является ли социопатия расстройством или она функциональна?» [Стаут, 2018, с. 33] (термины «социопатия» и «психопатия» считались взаимозаменяемыми, пока не была подтверждена биологическая обусловленность психопатии).

По мнению эволюционных биологов, многие свойства людей являются адаптацией к требованиям окружающей среды, в силу чего исчез ряд некогда необходимых, но теперь «бесполезных» для выживания умений, таких как острый животный нюх, способность считывать микровыражения лиц и т.п. Возникает вопрос: насколько необходимыми являются те разнообразные психические состояния, которых лишены «эффективные» психопаты и которые доставляют экзистенциальный «дискомфорт» обычным людям? Стремление к эффективности может нивелировать некоторые аспекты нашего многогранного существа, лишив человека многих пластов духовного существования, сохранив и улучшив лишь необходимое. Не упростит ли человечество в целом организация общества по психопатическому типу? В арсенале современной науки есть все, чтобы сделать из людей функциональные машины – сосредоточенные, преследующие цели, постоянно находящиеся в хорошем настроении и готовности повысить свою рабочую нагрузку. Люди получают возможность выходить за пределы своей органики, моделируя себя по определенному сценарию. Анализ психопатии в целом и в совокупности с актуальными изменениями позволяет рассматривать ее как микромодель последующего состояния общества.

Очевидно, что в обсуждении столь сложной проблемы редукционизм в пользу любого из начал – биологического или социального – неприемлем: человеческое поведение рождается во взаимодействии психики и социальных условий, в зависимости от которых варьируются эффекты генов, «склонность к асоциальным поступкам... частично наследуема... хотя, как и все наследственные черты, в одной среде они проявляются чаще, чем в другой» [Пинкер, 2018, с. 71]. Если изменение социального контекста легитимирует и закрепляет связанные с психопатией качества, которые, в свою очередь, деформируют общественные отношения и поведенческие модели, уместно подчеркнуть именно социальный аспект явления. В определенной степени все люди обладают генетически обусловленным набором склонностей и черт, нахождение которых

в приемлемых и безопасных границах обеспечивают общественные институты; в случае же психопатии последние, напротив, поощряют распространение психопатического шаблона. Закрепляя на уровне культуры данную модель мировоззрения, общество выбирает определенный путь развития, поэтому наибольшее значение при рассмотрении психопатии имеет не характер образующего биологическим и социальным началами целого (который мы еще не можем установить), а потенциальная направленность их взаимодействия. Анализ проблемы показывает, что при абсолютизации и оправдании проявлений биологического социум может снять с себя ответственность за сохранение антропологической модели и сложных проявлений человечности, поэтому кажется важным обозначить тезис о вероятном психопатическом векторе развития общества. В этой связи перед каждым встает задача самостоятельного осмысления ситуации и личного выбора, и здесь на первый план снова выходит сфера социального, все еще обладающая необходимыми для возможных изменений степенями свободы.

Список литературы

- Агамбен 2012 – *Агамбен Дж.* Открытое / Пер. с итал. Б.М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. 122 с.
- Гиндикин, Гурьева 2020 – *Гиндикин В.Я., Гурьева В.А.* Психопатология и власть. М.: Институт консультирования и системных решений, 2020. 148 с.
- Даттон 2014 – *Даттон К.* Мудрость психопатов / Пер. с англ. И. Малковой. СПб.: Питер, 2014. 304 с.
- Дескола 2012 – *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры / Пер. с фр. О. Смолицкой, С. Рындына. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
- Кил 2019 – *Кил К.А.* Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния / Пер. с англ. Т. Шуликовой. М.: Центрполиграф, 2019. 319 с.
- Медицинский словарь, web – Медицинский словарь: Психопат (psychopath) // В словаре. URL: <https://slovar.info/slovo/meditsinskii-slovar/psihopat-psychopath/217746> (дата обращения: 15.03.2021).
- Пинкер 2018 – *Пинкер С.* Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / Пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
- Стаут 2018 – *Стаут М.* Социопат по соседству: люди без совести против нас: как распознать и противостоять / Пер. с англ. А.И. Карпухиной. М.: Э, 2018. 352 с.
- Харари 2019 – *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 495 с.
- Шеффер 2010 – *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
- Ясперс 1999 – *Ясперс К.* Стринберг и Ван Гог / Пер. с нем. П. Ноткина. СПб.: Прогресс, 1999. 238 с.
- Adee 2012 – *Adee S.* Zap your brain into the zone: Fast track to pure focus // New Scientist. 2012. February. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21328501-600-zap-your-brain-into-the-zone-fast-track-to-pure-focus/?ignored=irrelevant> (дата обращения: 26.08.2020).
- Baskin-Sommers, Curtin at al. 2012 – *Baskin-Sommers A., Curtin J.J.* at al. Psychopathy related differences in selective attention are captured by an early event-related potential // Personality Disorders. 2012. Vol. 3. No. 4. P. 370–378.
- Blair, Mitchell, Blair 2005 – *Blair J., Mitchell D., Blair K.* The Psychopath: Emotion and the Brain. Malden: Blackwell Publishing, 2005. 211 p.

Frazier, Ferreira at al. 2019 – *Frazier A., Ferreira P.A.* at al. Born this way? A review of neurobiological and environmental evidence for the etiology of psychopathy // *Personality Neuroscience*. 2019. Vol. 2. No. 8. P. 1–16.

Griffin 1991 – *Griffin D.P.* Progress towards a cognitive ethology // *Cognitive Ethology. The Minds of Other Animals* / Ed. by C.A. Ristau. New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1991. P. 3–17.

Hiatt, Schmitt at al. 2004 – *Hiatt K.D., Schmitt W.A.* at al. Stroop Tasks Reveal Abnormal Selective Attention Among Psychopathic Offenders // *Neuropsychology*. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 50–59.

Jeffries 2014 – *Jeffries A.* DARPA teams begin work on tiny brain implant to treat PTSD // *The Verge*. 2014. May. URL: <https://www.theverge.com/2014/5/28/5758018/darpa-teams-begin-work-on-tiny-brain-implant-to-treat-ptsd> (дата обращения: 26.08.2020).

Jonason, Li at al. 2010 – *Jonason P.K., Li N.P.* at al. Who is James Bond? The Dark Triad as an Agentic Social Style // *Individual Differences Research*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 111–120.

Junewicz, Billick 2020 – *Junewicz A., Billick S.B.* Conduct Disorder: Biology and Developmental Trajectories // *Psychiatric Quarterly*. 2020. Vol. 91. No. 1. P. 77–90.

Kiehl 2006 – *Kiehl K.A.* A cognitive neuroscience perspective on psychopathy: Evidence for paralimbic system dysfunction // *Psychiatry Research*. 2006. Vol. 142. No. 2–3. P. 107–128.

Koukolík, Drtilová 1996 – *Koukolík F., Drtilová J.* Vzpouora deprivantů: o špatných lidech, skupinové hlouposti a uchvácené moci. Praha: Makropulos, 1996. 303 p.

Levenston, Patrick at al. 2000 – *Levenston G.K., Patrick C.J.* at al. The psychopath as observer: Emotion and attention in picture processing // *Journal of Abnormal Psychology*. 2000. Vol. 109. No 3. P. 373–385.

Meloy 2012 – *Meloy J.R.* Predatory violence and psychopathy // *Psychopathy and Law* / Ed. by Hakkanen-Nyholm. London: Wiley, 2012. P. 159–175.

Meloy, Book et al. 2018 – *Meloy J.R., Book A.* et al. Social, Sexual, and Violent Predation: Are Psychopathic Traits Evolutionarily Adaptive? // *Violence and Gender*. 2018. Vol. 5. No. 3. P. 153–165.

Ross 1977 – *Ross L.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // *Advances in experimental social psychology*. 1977. Vol. 10. P. 173–220.

Sperry, Gazzaniga, Bogen 1969 – *Sperry R., Gazzaniga M., Bogen J.* Interhemispheric relationships: the neocortical commissures; syndromes of hemisphere disconnection // *Handbook of Clinical Neurology* / Ed. by P. Vinken. Vol. 4. Amsterdam: North-Holland Publishing Co, 1969. P. 273–290.

Tiihonen, Koskivi et al. 2019 – *Tiihonen J., Koskivi M.* et al. Neurobiological roots of psychopathy // *Molecular Psychiatry*. 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41380-019-0488-z> (дата обращения: 26.08.2020).

Wheeler, Book, Costello 2009 – *Wheeler S., Book A., Costello K.* Psychopathic Traits and the Perception of Victim Vulnerability // *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 36. No. 6. P. 635–648.

Whiten, Goodal et al. 1999 – *Whiten A., Goodal J.* et al. Cultures in chimpanzees // *Nature*. 1999. Vol. 399. No. 6737. P. 682–685.

**Psychopathy in the context of modernity:
from a biosocial problem in the definition of a person
to a psychopathic model of society**

Anastasia V. Kucheroва

Lomonosov Moscow State University. 27 Lomonosovsky Prospekt, bldg. 4 (Shuvalovsky building), GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: XSenseofme@yandex.ru

The natural sciences have changed the traditional understanding of human nature by pointing out the biological dependence of human. The relationship between the biological and

the social has become a problem, and this reflects the phenomenon of psychopathy – a special type of personality that combines neurophysiological abnormalities and related behavior. The article summarizes the conclusions of the latest experimental research in this field. It is hypothesized that psychopathic properties exactly correspond to the ideological requirements of modern society, and the development of modern technologies contributes to their reproduction. The cultivation of psychopathy can completely change human beings, making society physically psychopathic, and psychopathy can be a model for the future state of society.

Keywords: psychopathy, psychopath, modernity, psychology, natural sciences, humanities, technology, biological, social

References

Adee, S. “Zap your brain into the zone: Fast track to pure focus”, *New Scientist*, 2012 (February) [<https://www.newscientist.com/article/mg21328501-600-zap-your-brain-into-the-zone-fast-track-to-pure-focus/?ignored=irrelevant>, accessed on 26.08.2020].

Agamben, G. *Otkrytoe* [The Open: Man and Animal], trans. by B. Skuratov. Moscow: RSUH Publ., 2012. 122 pp. (In Russian)

Baskin-Sommers, A., Curtin, J.J. at al. “Psychopathy related differences in selective attention are captured by an early event-related potential”, *Personality Disorders*, 2012, vol. 3, no. 4, pp. 370–378.

Blair, J., Mitchell, D., Blair, K. *The Psychopath: Emotion and the Brain*. Malden: Blackwell Publishing Publ., 2005. 211 pp.

Descola, F. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture], trans. by O. Smolickaya and S. Ryndin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 584 pp. (In Russian)

Dutton, K. *Mudrost' psihopatov* [The Wisdom of Psychopaths: What Saints, Spies, and Serial Killers Can Teach Us about Success], trans. by I. Malkova. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 304 pp. (In Russian)

Frazier, A., Ferreira, P.A. at al. “Born this way? A review of neurobiological and environmental evidence for the etiology of psychopathy”, *Personality Neuroscience*, 2019, vol. 2, no. 8, pp. 1–16.

Gindikina, V., Gureva, V. *Psihopatologiya i vlast'* [Psychopathology and power]. Moscow: Institut konsultirovaniya i sistemnyh reshenij Publ., 2020. 148 pp. (In Russian)

Griffin, D.P. “Progress towards a cognitive ethology”, *Cognitive Ethology. The Minds of Other Animals*, ed. by C.A. Ristau. New Jersey: Lawrence Erlbaum Publ., 1991, pp. 3–17.

Harari, Yu.N. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow], trans. by A. Andreev. Moscow: Sindbad Publ., 2019. 495 pp. (In Russian)

Hiatt, K.D., Schmitt, W.A. at al. “Stroop Tasks Reveal Abnormal Selective Attention Among Psychopathic Offenders”, *Neuropsychology*, 2004, vol. 18, no. 1, pp. 50–59.

Jaspers, K. *Strinberg i Van Gog* [Strindberg and Van Gogh], trans. by P. Notkin. St. Petersburg: Progress Publ., 1999. 237 pp. (In Russian)

Jeffries, A. “DARPA teams begin work on tiny brain implant to treat PTSD”, *The Verge*, 2014 (May) [<https://www.theverge.com/2014/5/28/5758018/darpa-teams-begin-work-on-tiny-brain-implant-to-treat-ptsd>, accessed on 26.08.2020].

Jonason, P.K., Li, N.P. at al. “Who is James Bond? The Dark Triad as an Agentic Social Style”, *Individual Differences Research*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 111–120.

Junewicz, A., Billick, S.B. “Conduct Disorder: Biology and Developmental Trajectories”, *Psychiatric Quarterly*, 2020, vol. 91, no. 1, pp. 77–90.

Kiehl, K.A. "A cognitive neuroscience perspective on psychopathy: Evidence for paralimbic system dysfunction", *Psychiatry Research*, 2006, vol. 142, no. 2-3, pp. 107-128.

Kiehl, K.A. *Psihopaty. Dostovernyj rasskaz o lyudyah bez zhalosti, bez sovesti, bez raskayaniya* [The Psychopath Whisperer. The Science of Those Without Conscience], trans. by T. Shulikova. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2019. 319 pp. (In Russian)

Koukolík F., Drtilová J. *Vzpoura deprivantů: o špatných lidech, skupinové hlouposti a uchvácené moci*. Praha: Makropulos Publ., 1996. 303 pp.

Levenston, G.K., Patrick, C.J., et al. "The psychopath as observer: Emotion and attention in picture processing", *Journal of Abnormal Psychology*, 2000, vol. 109, no. 3, pp. 373-385.

"Meditzinskii slovar': psihopat" [Medical Dictionary: psychopath], *Vslovare.info* [<https://vslovare.info/slovo/meditzinskij-slovar/psihopat-psychopath/217746>, accessed on 15.03.2021]. (In Russian)

Meloy, J.R. "Predatory violence and psychopathy", *Psychopathy and Law*, ed. by Hakkanen-Nyholm. London: Wiley Publ., 2012, pp. 159-175.

Meloy, J.R., Book, A. et al. "Social, Sexual, and Violent Predation: Are Psychopathic Traits Evolutionarily Adaptive?", *Violence and Gender*, 2018, vol. 5, no 3, pp. 153-165.

Pinker, S. *CHistyj list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya* [The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature], trans. by G. Borodina. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2018. 608 pp. (In Russian)

Ross, L. "The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process", *Advances in experimental social psychology*, 1977, vol. 10, pp. 173-220.

Schaeffer, J.-M. *Konec chelovecheskoj isklyuchitel'nosti* [The end of human exceptionalism], trans. by S. Zenkin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 392 pp. (In Russian)

Sperry, R., Gazzaniga, M., Bogen, J. "Interhemispheric relationships: the neocortical commissures; syndromes of hemisphere disconnection", *Handbook of Clinical Neurology*, ed. by P. Vinken, vol. 4. Amsterdam: North-Holland Publishing Co Publ., 1969, pp. 273-290.

Stout, M. *Sociopat po соседstvu: lyudi bez sovesti protiv nas: kak raspoznat' i protivostoyat'* [The Sociopath Next Door: The Ruthless Versus the Rest of Us], trans. by A. Karpuhina. Moscow: E Publ., 2018. 352 pp. (In Russian)

Tiihonen, J., Koskivi, M. et al. "Neurobiological roots of psychopathy", *Molecular Psychiatry*, 2019 [<https://www.nature.com/articles/s41380-019-0488-z>, accessed on 26.08.2020].

Wheeler, S., Book, A., Costello, K. "Psychopathic Traits and the Perception of Victim Vulnerability", *Criminal Justice and Behavior*, 2009, vol. 36, no. 6, pp. 635-648.

Whiten, A., Goodal, J. et al. "Cultures in chimpanzees", *Nature*, 1999, vol. 399, no. 6737, pp. 682-685.